

УДК 616-056.11+340.6

ОСОБЕННОСТИ ДИЗРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ У ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Н.Е. Лысенко¹, М.Ю. Белякова¹

¹ ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, Россия, 119034, Москва, Кропоткинский пер., 23

Резюме

Цель исследования – определение взаимосвязей между параметрами саморегуляции и индивидуально-типологическими особенностями женщин, совершивших общественно опасные деяния (ООД). В Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского (Москва) обследовали 25 женщин, совершивших ООД, признанных вменяемыми, а также 27 женщин, признанных невменяемыми в отношении совершенных ими ООД. В группу сравнения вошли 26 женщин с нормосообразным поведением. Изучили индивидуально-типологические особенности, связанные с различными параметрами саморегуляции. Качественный и количественный анализ психологической структуры саморегуляции выявил, что в группах женщин, совершивших ООД, отмечаются корреляционные связи, отражающие нарушение регуляции поведения. **Результаты** показывают, что при присоединении фактора криминализации, т.е. совершения ООД, снижается как общее количество корреляций различных параметров саморегуляции с индивидуально-типологическими характеристиками, так и степень выраженности таких взаимосвязей и качественная характеристика этих сочетаний: все меньше становится взаимосвязей, которые отражают сохранность тех или иных звеньев саморегуляции. В группе женщин, которых рекомендовано считать вменяемыми, высокий уровень программирования поведения связан с социальной желательностью и низкой чувствительностью к опасным или негативным стимулам, а низкая способность к программированию поведения – с высоким психотизмом и импульсивностью. Оценка результатов своего поведения связана со стремлением к улучшению мнения других людей о себе, а параметр «гибкость» – с эгоцентризмом и низкой чувствительностью к опасным ситуациям. В группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми, отмечалось преобладание взаимосвязей параметров саморегуляции с переменными активации получения удовольствия и поощрения, а также дефицит взаимосвязей с формально-динамическими характеристиками психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сфер, которые объясняют непосредственность поведения и принятия решений, и разбалансированность темпераментальных основ деятельности. Параметры саморегуляции «моделирование» и «гибкость» обнаруживают связь со сниженной чувствительностью к опасности, приводящей к недостаточной сортировке позитивных и негативных стимулов среды, сигнализирующих о возможных негативных последствиях. Результаты подтверждают, что нарушение регуляции поведения сопровождается снижением количества структурных взаимосвязей между разноразрядными характеристиками, а также увеличением тех структурных взаимосвязей, которые отражают нарушения регуляции поведения.

Ключевые слова: саморегуляция; индивидуально-типологические особенности; дизрегуляция поведения; общественно опасные действия; женщины

Введение

Оценка нарушений саморегуляции поведения в юридически значимых ситуациях является основной задачей комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) (Кудрявцев, Лапшина, 2008; Ткаченко, Корзун, 2020). Правовые нормы предполагают существование только двух возможных вариантов регуляции поведения в юридически значимый период в зависимости от сохранности или нарушенности способности подэкспертного понимать значение своих действий и руководить ими – вменяемости и невменяемости. Однако психологическая наука не содержит таких критериев оценки саморегуляции, которые бы позволили разделить все возможные варианты саморегуляции в соответствии с установленной законом дихотомией. Поэтому необходимо выделить психологические критерии, которые позволяют дифференцировать глубину дизрегуляции поведения.

Влияние юриспруденции на методологию КСППЭ привело к тому, что нарушения саморегуляции связывались с недостаточной зрелостью морально-нравственных и ценностно-смысловых структур личности вследствие психического расстройства (Кудрявцев, 2007). Однако такое представление о саморегуляции противоречит взгляду, принятому в отечественной психологии, которая рассматривает саморегуляцию как иерархический, системно-организованный процесс психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами произвольной деятельности, реализующей достижение целей, в которой важную роль играют свойства темперамента (Конопкин, 2000).

В связи с этим в последние годы возросло количество эмпирических судебно-психологических исследований, направленных на выделение психобиологических механизмов общественно опасного поведения (Сафуанов и др., 2013; Самылкин, Ткаченко, 2020; Булыгина и др., 2019). Подчеркивается необходимость изучения операционально-технического уровня саморегуляции, включающего нейropsychологические (Булыгина, Жумагалиева, Макурина, Кабанова, 2021), индивидуально-типологические (Дубинский, Лысенко, Булыгина, 2019), психофизиологические характеристики (Каменсков, Введенский, 2014).

Подавляющее количество исследований психобиологических механизмов криминального поведения проводилось на мужской выборке. Аналогичные исследования на женской выборке единичны, хотя не менее важны: женская преступность приводит к крайне неблагоприятным социальным последствиям, включая алкоголизм и наркоманию, проблемы трудоустройства, трудности создания позитивных взаимоотношений, нарушения парентинга (родительства) (Алексеева, 2020).

Изучение причин женской преступности связано с рядом трудностей. Женская выборка характеризуется значительными отличиями от мужской по криминологическим, клинико-патологическим и психологическим показателям, что исключает перенос на группу женщин результатов исследо-

ваний, проведенных на мужской выборке (Кузнецов, Булыгина, 2012). Женская выборка правонарушителей малочисленна, в связи с чем возникают проблемы внутригрупповых сравнений (Gottschalk, Glaso, 2014; Wolff, Baglivio, Vaughn, DeLisi, Piquero, 2017). На точность выводов о психологических механизмах криминального поведения женщин оказывает влияние трудность отнесения некоторых правонарушителей к тому или иному полу в связи с актуальной тенденцией к гендерной нейтральности (Haynie, Stefensmeier, Bell, 2007; Schwartz, Conover-Williams, Clemons, 2014).

В настоящее время объяснение противоправного поведения женщин производится с позиций криминологического и клинико-биологического подходов. В криминологическом подходе преобладает точка зрения о социальном детерминизме женской преступности (Алексеева, 2020). Показано, что в связи с эмансипацией женщин с начала XX в. до сегодняшнего дня существенно выросло количество насильственных преступлений, совершенных женщинами (Алексеева, 2020, Smith, Gacono, Cunliffe, 2021). Увеличилась доля женщин, участвующих в «беловоротничковой» преступности (Gottschalk, Glaso, 2014; Rennison, Melde, 2013). Выявлено, что на формирование криминального поведения женщин оказывают влияние такие факторы, как ранее перенесенное насилие, антисоциальное семейное окружение, дефицит надзора, наличие асоциальных романтических партнеров и др. (Espelage, De La Rue, 2013).

В рамках клинико-биологического подхода накоплены данные о биологических предпосылках женской преступности (Lombroso, Ferrero, 1895; Crooks et al., 2019). Выявлено, что у женщин, страдающих шизофренией, преобладает продуктивно-психотический механизм совершения общественно опасных действий (Кузнецов, Булыгина, 2012; Качаева и др., 2021); у женщин с органическим психическим расстройством предикторами криминализации являются низкий когнитивный уровень, аутоагрессивные тенденции, дисфорическая агрессивность (Кузнецов, Булыгина, 2012); у женщин с органическим расстройством личности к противоправной активности приводило сочетание воздействия нескольких экзогенно-органических вредностей и длительного функционирующего цикла деформации социальных коммуникаций (Шишкина, Качаева, Трушелёв, 2019).

Оба подхода, криминологический и клинико-биологический, имеют ограничения в объяснении механизмов противоправного поведения женщин. Объектом исследования криминологии являются экономические, политические, культурные и иные социальные отношения в той мере, в какой они связаны с преступностью и детерминируют ее отдельные стороны. В клиническом подходе внимание уделяется психопатологическим механизмам противоправного поведения. Психологические особенности дисрегуляции поведения у женщин остаются малоизученными. Среди психологических особенностей женщин, совершивших преступления, выделяют импульсивность, отсутствие чувства вины, дисгармоничность личности, конфликт между стремлением к общению и подозрительностью, демонстративность, застреванность на переживаниях, легкость возникновения

фрустрации, раздражительность (Шиханцов, 2006; Лысенко, Булыгина, 2020). Однако все еще мало известно о тех психобиологических факторах индивидуальности, которые определяют нарушения саморегуляции, приводящие к совершению ООД.

Таким образом, изучение структурно-функциональных особенностей саморегуляции женщин с точки зрения обеспечивающих ее индивидуально-типологических характеристик необходимо для расширения и уточнения критериев оценки степени дисрегуляции поведения, связанной с совершением общественно опасных действий (ООД).

Цель исследования – выявление структуры индивидуально-психологических особенностей саморегуляции у женщин, совершивших ООД, в зависимости от факторов криминализации и психической патологии.

Были поставлены две задачи:

- 1) определить различия в параметрах саморегуляции в группах женщин, совершивших ООД, и женщин с нормосообразным поведением;
- 2) выделить структурные взаимосвязи между индивидуально-типологическими особенностями и различными параметрами саморегуляции, которые отражают особенности иерархической структуры индивидуальных характеристик в группе женщин, совершивших ООД.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 78 женщин, средний возраст которых составил $36,51 \pm 10,16$ лет. Из них 25 человек (32,10% выборки), средний возраст которых составил $38,12 \pm 13,91$ лет, обвинялись в совершении различных общественно опасных действий, и их было рекомендовано признать вменяемыми по результатам комплексной психолого-психиатрической экспертизы, проводимой в Национальном медицинском исследовательском центре психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России (НМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России). Группа была представлена: психически здоровыми лицами (Z00–Z99) – 18 человек (72%); лицами, страдающими расстройствами, связанными с приемом психоактивных веществ (ПАВ) (F10–F19) – 7 человек (28%).

Вторую группу, 27 человек (34,61% выборки), средний возраст которых составил $36,62 \pm 8,77$ лет, составили женщины, признанные невменяемыми в отношении совершенных ими ООД и проходившими принудительное лечение в НМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава России. Группа женщин была представлена лицами, страдающими психическим расстройством в форме шизофрении (F20–F29) – 21 человек (77,78%), органического расстройства личности (F07) – 5 человек (18,52%) и расстройства личности (F60) – 1 человек (3,70%).

Группа правонарушителей была однородной по социальным показателям развития: условиям жизни и воспитания, социальному окружению, образованию, профессиональной деятельности, семейному положению, истории привлечения к уголовной ответственности.

Группу сравнения составили 26 женщин с нормосообразным поведением, не страдающие психическими расстройствами, ранее не привлекавшиеся к уголовной ответственности (группа «норма») (33,33% выборки). Их средний возраст составил $34,85 \pm 6,83$ года. По возрасту группы женщин между собой достоверно не различались.

Диагностический комплекс включал следующий набор методик:

- опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССП). Методика подготовлена В.И. Моросановой, включает шкалы функциональных звеньев процесса саморегуляции «гибкость», «планирование», «моделирование», «программирование», «самостоятельность», «оценивание результатов» и «общий уровень саморегуляции», диагностирующий конструкт «саморегуляция»;

- опросник Г. Айзенка – шкалы экстраверсии, нейротизма, склонности к лжи, психотизма;

- опросник Кавера–Уайта (Carver, White), стандартизированный Г.Г. Князевым и Е.Р. Слободской. Методика диагностирует конструкт «активация», включающий шкалы: «чувствительность к опасности или негативным ситуациям» (BIS); «активация получения удовольствия» (BAS Fun); «активация достижения отдаленных целей» (BAS Drive); «активация ожидания поощрения» (BAS Reward);

- опросник самоконтроля (ОС). Опросник разработан Г. Грасмик, в адаптации В.Г. Булыгиной, содержит шкалы: «импульсивность», «предпочтение простых задач», «стремление к риску», «физическая активность», «эгоцентризм», «раздражительность», диагностирующий конструкт «самоконтроль»;

Также применяли опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ) (В.М. Русалов), включающий шкалы психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной скорости, пластичности, эмоциональности и эргичности.

Валидность всех опросников была подтверждена ранее.

Статистическую обработку эмпирических данных включала χ^2 -критерий Краскела–Уоллиса для независимых выборок, корреляционный анализ Пирсона, структурно-функциональный анализ. Использовали статистический пакет SPSS 20.0.

Этический аспект. Работа выполнена с соблюдением стандартов на нераспространение персональных данных и этических требований, изложенных в приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 200н «Об утверждении правил надлежащей клинической практики».

Результаты исследования

Проведенное исследование выявило достоверное различие между группами женщин, совершивших ООД, которых было рекомендовано считать вменяемыми, женщин, совершивших ООД, признанных невменяемыми,

и женщин с нормосообразным поведением в параметрах саморегуляции: оценивание результатов ($\chi^2 = 16,46$, $p = 0,00$), гибкость ($\chi^2 = 9,13$, $p = 0,01$) и самостоятельность ($\chi^2 = 6,82$, $p = 0,03$) (рис. 1).

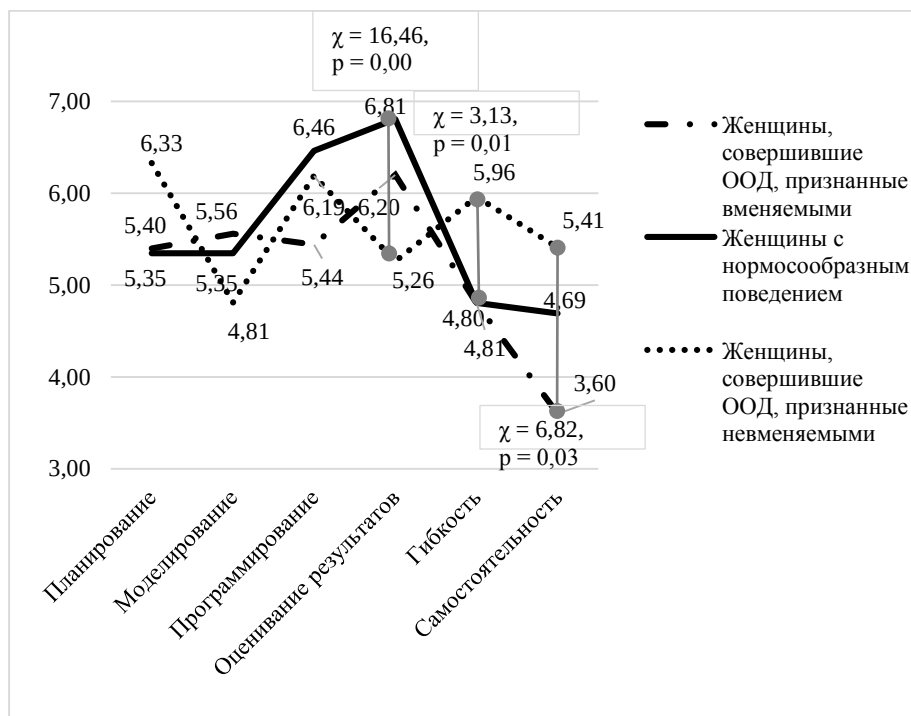

Рис. 1. Значения параметров опросника саморегуляции и достоверные различия в группах женщин с нормосообразным поведением, женщин, совершивших ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми, и женщин, совершивших ООД, признанных невменяемыми (Н-критерий Краскела–Уоллиса)

Результаты показали, что в группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми, отмечались низкие значения параметра «оценивание результатов» по сравнению с группой женщин с нормосообразным поведением и группой женщин, которых рекомендовано считать вменяемыми в отношении совершенных ими ООД. Это может свидетельствовать о несформированности внутренних критериев оценки своего поведения и низкой критичности к результатам своих действий. Наиболее высокие показатели параметра «гибкость» в этой группе могут определять недостаточную устойчивость намерений и зависимость поведения от изменчивых внешних влияний. Высокие значения по шкале «самостоятельность» в сочетании с вышеназванными переменными могут отражать недостаточную приверженность общепринятым нормам поведения.

В группе женщин, совершивших ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми, достоверное снижение показателей по шкалам «оценивание результатов» и «самостоятельность» отражает недостаток регуляторной

самостоятельности, зависимость от влияний извне в сочетании с низкой способностью к оцениванию своих результатов.

Корреляционный анализ

Для уточнения взаимосвязей между параметрами саморегуляции и индивидуально-типологическими особенностями был проведен корреляционный анализ. Выделены взаимосвязи между индивидуально-типологическими особенностями и различными параметрами сознательной саморегуляции, отражающие своеобразие регуляторных механизмов в зависимости от фактора совершения ООД.

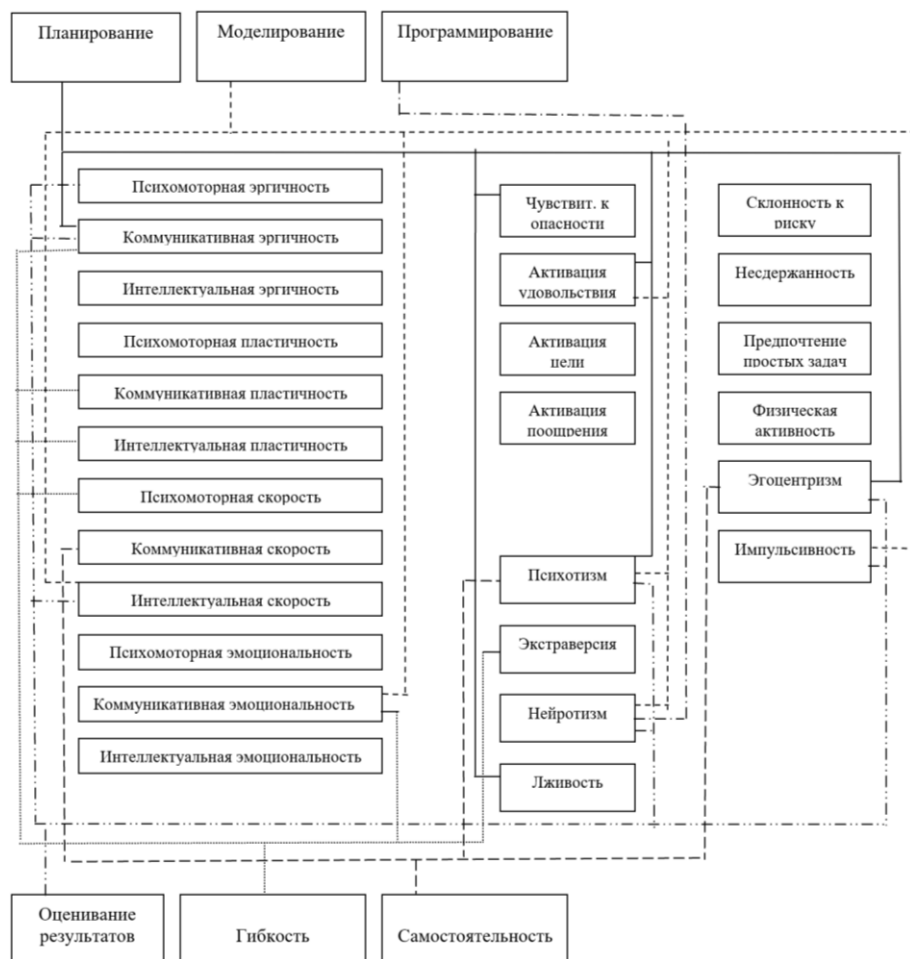

Рис. 2. Корреляционные плеяды в группе женщин с нормосообразным поведением. Линии, подходящие к блокам слева, указывают на прямые корреляционные взаимосвязи; линии, подходящие к блокам справа, указывают на отрицательные корреляционные взаимосвязи

В группе *женщин с нормосообразным поведением* параметр саморегуляции «*планирование*» положительно связан с коммуникативной эргичностью ($r = 0,52$ $p = 0,01$), социальной желательностью (шкала лжи) ($r = 0,40$ $p = 0,04$), а также с чувствительностью к опасности ($r = 0,47$ $p = 0,02$) и отрицательно с психотизмом ($r = -0,46$ $p = 0,02$), эгоцентризмом ($r = -0,40$ $p = 0,04$) и активацией получения удовольствия ($r = -0,56$ $p = 0,00$) (рис. 2).

Параметр саморегуляции «*моделирование*» положительно связан с интеллектуальной скоростью ($r = 0,47$ $p = 0,02$), а также обнаруживает отрицательную корреляцию с коммуникативной эмоциональностью ($r = -0,46$ $p = 0,02$), психотизмом ($r = -0,46$ $p = 0,02$), нейротизмом ($r = -0,40$ $p = 0,04$) и активацией получения удовольствия ($r = -0,54$ $p = 0,01$). Параметр саморегуляции «*программирование*» отрицательно связан с нейротизмом ($r = -0,42$ $p = 0,03$). Параметр «*оценивание результатов*» положительно связан с коммуникативной эргичностью ($r = 0,42$ $p = 0,03$), психомоторной эргичностью ($r = 0,47$ $p = 0,02$), интеллектуальной скоростью ($r = 0,47$ $p = 0,01$) и отрицательно с психотизмом ($r = -0,52$ $p = 0,01$), нейротизмом ($r = -0,40$ $p = 0,04$), эгоцентризмом ($r = -0,42$ $p = 0,03$), импульсивностью ($r = -0,48$ $p = 0,01$), несдержанностью ($r = -0,39$ $p = 0,05$). Параметр саморегуляции «*гибкость*» положительно связан с коммуникативной эргичностью ($r = 0,47$ $p = 0,02$), интеллектуальной пластичностью ($r = 0,54$ $p = 0,00$), коммуникативной пластичностью ($r = 0,55$ $p = 0,00$), психомоторной скоростью ($r = 0,52$ $p = 0,01$), экстраверсией ($r = 0,55$ $p = 0,00$), склонностью к риску ($r = 0,50$ $p = 0,01$), физической активностью ($r = 0,51$ $p = 0,01$), отрицательно с коммуникативной эмоциональностью ($r = -0,40$ $p = 0,04$). Параметр «*самостоятельность*» позитивно связан с коммуникативной скоростью ($r = 0,49$ $p = 0,01$), активацией получения удовольствия ($r = 0,39$ $p = 0,05$), психотизмом ($r = 0,40$ $p = 0,04$) и эгоцентризмом ($r = 0,43$ $p = 0,03$).

В группе *женщин, совершивших ООД*, которых рекомендовано считать вменяемыми, параметр «*планирование*» не имел значимых взаимосвязей с индивидуально-типологическими характеристиками (рис. 3). Параметр «*моделирование*» имел прямую корреляционную связь с экстраверсией ($r = 0,42$ $p = 0,04$), обратную корреляционную связь с физической активностью ($r = -0,411$ $p = 0,04$) и импульсивностью ($r = -0,40$ $p = 0,05$). Параметр саморегуляции «*программирование*» прямо связан с лживостью ($r = 0,46$ $p = 0,02$) и имел обратную корреляционную связь с психотизмом ($r = -0,43$ $p = 0,03$), чувствительностью к опасности ($r = -0,52$ $p = 0,01$) и импульсивностью ($r = -0,40$ $p = 0,05$). Параметр «*оценивание результатов*» положительно связан с экстраверсией и лживостью (соответственно $r = 0,57$ $p = 0,00$ и $r = 0,41$ $p = 0,04$) и негативно с физической активностью ($r = -0,44$ $p = 0,03$) и импульсивностью ($r = -0,40$ $p = 0,05$). Параметр саморегуляции «*гибкость*» положительно связан с активацией достижения отдаленных целей ($r = 0,43$ $p = 0,03$), эгоцентризмом ($r = 0,51$ $p = 0,01$), обратно с интеллектуальной эмоциональностью ($r = -0,41$ $p = 0,04$) и чувствительностью к опасности ($r = -0,66$ $p = 0,00$). Параметр «*самостоятельность*» отрицательно связан с экстраверсией ($r = -0,41$ $p = 0,04$).

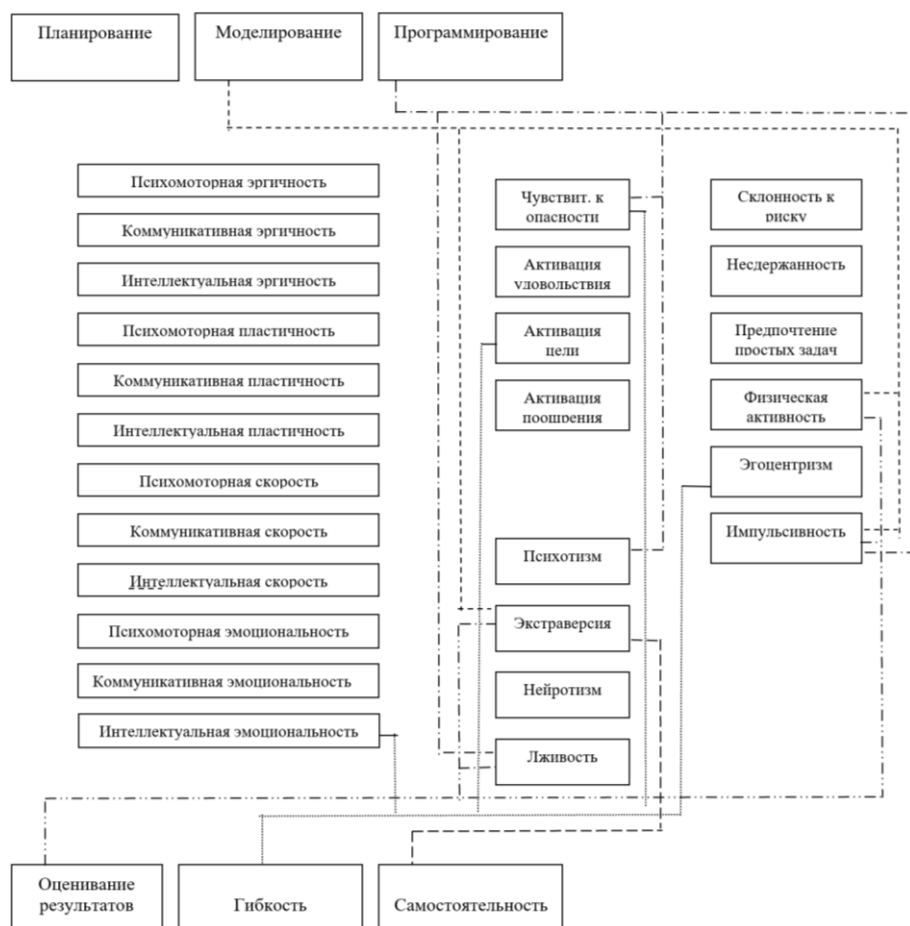

Рис. 3. Корреляционные плеяды в группе женщин, совершивших ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми в отношении совершенных ими общественно опасных деяний. Линии, подходящие к блокам слева, указывают на прямые корреляционные взаимосвязи; линии, подходящие к блокам справа, указывают на отрицательные корреляционные взаимосвязи

В группе женщин, признанных *невменяемыми* на момент совершения ООД, параметр «*планирование*» не обнаруживал связей с другими индивидуально-психологическими характеристиками (рис. 4). Параметр «*моделирование*» обнаруживал прямую связь с переменными психомоторная эргичность ($r = 0,52$ $p = 0,01$) и пластичность ($r = 0,46$ $p = 0,02$); а также обратную связь с параметрами психотизм ($r = -0,41$ $p = 0,04$), нейротизм ($r = -0,51$ $p = 0,01$), активация получения удовольствия ($r = -0,56$ $p = 0,00$), активация получения поощрения ($r = -0,70$ $p = 0,00$), склонность к риску ($r = -0,41$ $p = 0,03$), несдержанность ($r = -0,53$ $p = 0,01$), эгоцентризм ($r = -0,39$ $p = 0,05$) и чувствительность к опасности ($r = -0,53$ $p = 0,01$). Параметр «*программирование*» имеет обратную корреляционную связь с переменными актива-

ция получения удовольствия ($r = -0,41$ $p = 0,03$) и несдержанность ($r = -0,40$ $p = 0,04$). Параметр саморегуляции «оценивание результатов» обратно связан с переменными активация получения удовольствия ($r = -0,40$ $p = 0,04$) и активация получения поощрения ($r = -0,44$ $p = 0,02$). Параметр «гибкость» обнаруживал прямую связь с переменными экстраверсия ($r = 0,60$ $p = 0,00$), коммуникативная эргичность ($r = 0,45$ $p = 0,02$), коммуникативная скорость ($r = 0,43$ $p = 0,03$), а также обратную корреляционную связь с переменными социальная желательность ($r = -0,49$ $p = 0,01$) и чувствительность к опасности ($r = -0,43$ $p = 0,03$). Параметр «самостоятельность» имеет прямую корреляционную связь с переменными нейротизм ($r = 0,43$ $p = 0,02$), активация достижения цели ($r = 0,49$ $p = 0,01$), несдержанность ($r = 0,40$ $p = 0,04$) и эгоцентризм ($r = 0,47$ $p = 0,01$) и обратную с переменной социальная желательность ($r = -0,43$ $p = 0,03$).

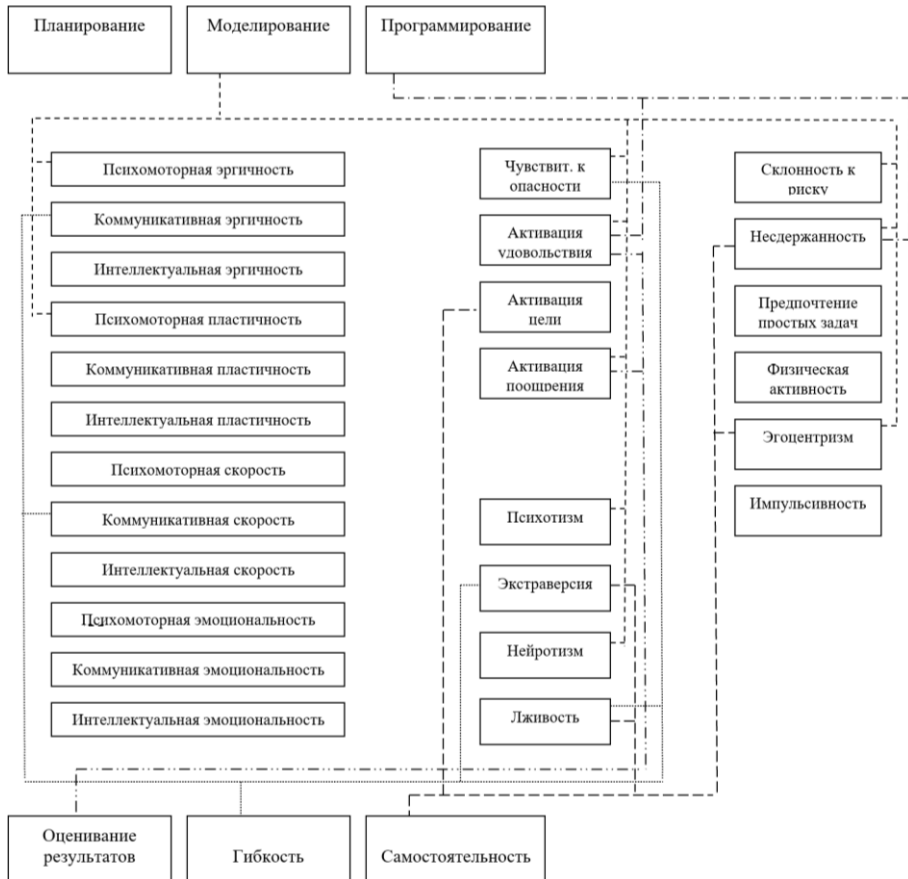

Рис. 4. Корреляционные плеяды в группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми в отношении совершенных ими общественно опасных деяний. Линии, подходящие к блокам слева, указывают на прямые корреляционные взаимосвязи; линии, подходящие к блокам справа, указывают на отрицательные корреляционные взаимосвязи

В дальнейшем в выделенных группах женщин был проведен структурно-функциональный анализ интеркорреляционных связей различных параметров саморегуляции с индивидуально-типологическими особенностями. Определены взаимосвязи, которые могут отражать нарушения саморегуляции.

Сравнительный структурно-функциональный анализ показал, что общее число корреляционных взаимосвязей в группе женщин, совершивших ООД, было значительно ниже, чем в группе женщин с нормосообразным поведением (15 и 31 соответственно) (таблица). При этом в группе женщин, совершивших ООД, отмечалось в 5 раз меньше взаимосвязей параметров саморегуляции с формально-динамическими характеристиками (соответственно 3 и 15). Также различалось разнообразие взаимосвязей, параметры саморегуляции оказались не связанными с формально-динамическими свойствами индивидуальности. Отличалось и качество взаимосвязей – в группе женщин с нормосообразным поведением отмечалось 12 взаимосвязей со статистической значимостью $\leq 0,01$ (38,71%), в группе женщин, совершивших ООД, отмечалось только 3 взаимосвязи со статистической значимостью $\leq 0,01$ (20%).

Структура взаимосвязей параметров саморегуляции с индивидуально-типологическими особенностями в группах психически здоровых и психически больных женщин, совершивших общественно опасные действия

Параметры саморегуляции и их значение	Женщины, совершившие ООД, вменяемые	Женщины, совершившие ООД, невменяемые	Женщины с нормосообразным поведением
Планирование: выдвижение и удержание целей, сформированность осознанного планирования деятельности	—	—	Планирование осуществляется с ориентацией на одобрение других (социальная желательность, высокая коммуникативная эргичность, низкие психотизм и эгоцентризм), а также с учетом возможных негативных последствий (высокая чувствительность к опасности и низкая активация получения удовольствия)
Моделирование представления о внешних и внутренних значимых условиях, их адекватность и детализированность	Моделирование связано с высокой экстраверсией, низкой импульсивностью и физической активностью	Моделирование связано с ростом психомоторной активности, снижением склонности к риску, несдержанности, эгоцентризма. Вместе с тем снижается и чувствительность к опасности	Моделирование связано с высокой интеллектуальной скоростью, низкими показателями психотизма, нейротизма, импульсивности и активации получения удовольствия

Продолжение таблицы

Параметры саморегуляции и их значение	Женщины, совершившие ООД, вменяемые	Женщины, совершившие ООД, невменяемые	Женщины с нормо-сообразным поведением
Программирование: продумывание способов своих действий для достижения целей	При высоком программировании – высокая социальная желательность сочетается с низкой чувствительностью к опасности. При низком программировании – высокие психотизм и импульсивность	Обратная связь с активацией получения удовольствия и несдержанностью	Связано с низким нейротизмом
Оценивание результатов: развитость и адекватность оценки себя и результатов своей деятельности	В ходе оценки своих результатов проявляются стремление к улучшению мнения других людей о себе, высокая потребность в активности и взаимодействии с окружающими	Обратная связь с активацией получения удовольствия и поощрения	Склонны к обсуждению результатов с другими людьми (коммуникативная эргичность, низкие эгоцентризм, психотизм, нейротизм), обдумыванию (высокая интеллектуальная скорость, низкие импульсивность и несдержанность) и улучшению (психомоторная эргичность)
Гибкость, способность вносить коррекции в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий	Гибкость связана с целедостижением (высокая активация достижения отдаленных целей), эгоцентризмом, низкой интеллектуальной эмоциональностью и низкой чувствительностью к опасным ситуациям	Связана с экстраверсией, коммуникативной эргичностью и скоростью и имеет обратную связь с социальной желательностью и чувствительностью к опасности	Связана с тенденцией к спокойному взаимодействию с окружающими (высокая коммуникативная эргичность и пластичность, низкая коммуникативная эмоциональность), способностью к перестройке интеллектуальной деятельности, а также с принятием риска и высокой физической активностью (склонность к риску, экстраверсия, физическая активность психомоторная скорость)

Окончание таблицы

Параметры саморегуляции и их значение	Женщины, совершившие ООД, вменяемые	Женщины, совершившие ООД, невменяемые	Женщины с нормо-сообразным поведением
Самостоятельность, регуляторная автономность	Самостоятельность связана с низкой экстраверсией	Связь с нейротизмом, активацией достижения отдаленных целей, несдержанностью, эгоцентризмом; обратная связь с социальной желательностью	Самостоятельность связана со стремлением к удовольствию, высокой коммуникативной скоростью, психотизмом и независимостью от других (эгоцентризмом)
Количество взаимосвязей	16	24	31
Количество взаимосвязей со статистической значимостью $\leq 0,01$	3 (20%)	10 (41,67%)	12 (38,71 %)

По результатам структурно-функционального анализа выявлено, что в группах женщин, совершивших ООД, отмечается снижение как общего количества корреляций различных параметров саморегуляции с индивидуально-типологическими характеристиками, так и глубины этих взаимосвязей. Изменяется и качественная характеристика этих сочетаний: все меньше становится взаимосвязей, которые отражают сохранность тех или иных звеньев саморегуляции.

В группе женщин, совершивших ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми, выделены взаимосвязи между индивидуально-типологическими особенностями и различными параметрами сознательной саморегуляции, отражающие снижение регуляции, или дизрегулирующие. В частности, высокий уровень программирования связан с высокой социальной желательностью и одновременно с низкой чувствительностью к опасным или негативным стимулам, а низкая способность к программированию поведения связана с высоким психотизмом и импульсивностью. Такое сочетание характеристик может приводить к тому, что у одних представительниц этой группы при продумывании способов достижения своих целей при ориентации на признание будет отмечаться игнорирование тех обстоятельств, которые могут приводить к нарушению нормативных правил; у других представительниц данной группы тщательному продумыванию способов достижения целей будут мешать импульсивность и психотизм. Оценка результатов своего поведения в этой группе связана со стремлением к улучшению мнения других людей о себе, что может приводить к неадекватности отражения качества деятельности. Параметр «гибкость», который отражает способность вносить коррекции в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий, связан с высокой активацией достижения целей, что может свидетельствовать о легкости смены целей при изменении условий. При этом процесс изменения целей определяется эгоцентризмом

и низкой чувствительностью к опасным ситуациям, которые могут приводить к асоциальным формам поведения.

В группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми, отмечалось преобладание взаимосвязей параметров саморегуляции с переменными активации поведения (активация получения удовольствия и поощрения) при дефиците взаимосвязей с формально-динамическими характеристиками психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сфер. Это может объясняться непосредственностью поведения и принятия решений, разбалансированностью темпераментальных основ деятельности. Также обращает на себя внимание связь параметров «моделирование» и «гибкость» с низкой чувствительностью к опасности, приводящей к недостаточной сортировке позитивных и негативных стимулов среды, сигнализирующих о возможных негативных последствиях.

В группе женщин с нормосообразным поведением не обнаружено взаимосвязей, которые приводят к дезадаптации. Параметры саморегуляции в этой группе обладают широкими взаимосвязями с индивидуально-типологическими особенностями, включая формально-динамические свойства индивидуальности.

Заключение

Результаты исследования позволили выделить различия между профилями саморегуляции в группах женщин, совершивших ООД, признанных вменяемыми и невменяемыми, и женщин с нормосообразным поведением. Женщинам, совершившим ООД, которых рекомендовано считать вменяемыми, свойственны дефицит регуляторной самостоятельности и низкая сформированность внутренних критериев оценки своего поведения. В группе женщин, совершивших ООД и признанных невменяемыми, отмечаются дефект отражения результатов своего поведения и низкая критичность к результатам своих действий, неустойчивость намерений, зависимость поведения от изменчивых внешних влияний и недостаточная приверженность общепринятым нормам поведения.

Исследование показало, что у женщин, совершивших ООД, структурно-функциональное содержание этапов саморегуляции имеет ряд особенностей, которые повышают вероятность дизрегуляции поведения. Выявлено, что у женщин, которых рекомендовано считать вменяемыми, продумывание способов достижения своих целей сочетается с потребностью в позитивной оценке и низкой чувствительностью к опасности, но в то же время при дефиците способности к программированию у них проявляются импульсивность и жестокость в поведении. При коррекции своего поведения в изменяющихся условиях они опираются сугубо на личные интересы и неправильную оценку ситуации.

У женщин, признанных невменяемыми, оценка внешних и внутренних условий деятельности связана с низкой способностью к распознаванию опасности; они вносят изменения в свое поведение, опираясь на вероят-

ность получения непосредственного удовольствия и выгоды, а перестройка поведения при изменении условий связана с игнорированием мнений других людей.

В проведенном исследовании впервые получены новые данные об особенностях нарушений саморегуляции у женщин, совершивших ООД, в зависимости от факторов криминализации и психической патологии. Показано, что структурные взаимосвязи между параметрами саморегуляции и индивидуально-типологическими характеристиками имеют качественные и количественные отличия у женщин, совершивших ООД, по сравнению с женщинами с нормосообразным поведением. Результаты подтверждают, что нарушение регуляции поведения сопровождается снижением количества структурных взаимосвязей между разноуровневыми характеристиками (Менделевич, 2016), а также увеличением тех структурных взаимосвязей, которые отражают нарушения регуляции поведения.

Представленные в статье профили нарушений саморегуляции у женщин, совершивших ООД, которые признаны вменяемыми и невменяемыми в отношении совершенных ими ООД, могут стать методологическим основанием оценки дизрегуляции поведения женщин при производстве КСППЭ.

Литература

- Алексеева, Е. А. (2020). Современные тенденции развития женской преступности в России. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 25(1(80)), 105–112. doi: 10.24411/1999-6241-2020-11016
- Булыгина, В. Г., Жумагалиева, М. Ю., Макурина, А. П., Кабанова, Т. Н. (2021). Проблема создания новых экспериментальных методов для решения прикладных задач в патопсихологии и судебно-психиатрической практике. *Психология и право*, 1(4). <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49293.shtml> (дата обращения: 26.04.2021).
- Булыгина, В. Г., Лысенко, Н. Е., Носс И. Н., Ковалева, М. Е., Дубинский А. А., Токарева, Г. М. (2019). *Методы исследования индивидуально-типологических характеристик в судебно-психиатрической практике: Руководство для врачей*. М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.
- Дубинский, А. А., Лысенко, Н. Е., Булыгина, В. Г. (2019). Внеэкологические индивидуально-психологические факторы социальной дезадаптации и криминализации. *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*, 1(3(51)). https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3338/ (дата обращения: 12.10.2020).
- Каменсков, М. Ю., Введенский, Г. Е. (2014). Инструментальная диагностика парафилий с применением полиграфа: методологические проблемы и рекомендации к их решению (аналитический обзор). *Российский психиатрический журнал*, 3, 4–9.
- Качаева, М. А., Харитоновна, Н. К., Шпорт, С. В., Шишкина, О. А., Скибина, Н. В., Назарова, Н. Л. (2021). Сравнительный анализ клинико-социальных характеристик женщин с органическим расстройством личности, совершивших и не совершавших правонарушений. *Российский психиатрический журнал*, 1, 37–46. doi: 10.47877/1560-957X-2021-10104
- Конопкин, О. А. (2005). Теоретико эмпирические исследования. Структурно функциональный и содержательно психологический аспекты осознанной саморегуляции. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 2(1), 27–42.

- Кудрявцев, И. А. (2007). Нравственная сфера сознания ограниченно вменяемых правонарушителей. Часть I. *Психологический журнал*, 28(2), 78–94.
- Кудрявцев, И. А., Лапшина, Е. Н. (2008). Психологические механизмы и эффекты влияния патологии характера на саморегуляцию общественно опасных деяний. *Российский психиатрический журнал*, 3, 29–35.
- Кузнецов, Д. А., Булыгина, В. Г. (2012). Учет гендерной специфики криминального поведения в судебно-психиатрической профилактике. *Психологическая наука и образование: электронный журнал*, 2, 90–100. https://psyjournals.ru/files/53482/psyedu_ru_2012_2_Buligina%2C%20Kuznezov.pdf (дата обращения: 12.10.2020).
- Лысенко, Н. Е., Булыгина, В. Г. (2020). Особенности дизрегуляции поведения у лиц, совершивших общественно опасные действия. *Российский психиатрический журнал*, 6, 45–54. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10606
- Менделевич, В. Д. (2016). *Психология девиантного поведения*. М.: Городец.
- Самылкин, Д. В., Ткаченко, А. А. (2020). Концепции уровневого нарушения регулятивных процессов при шизофрении: от вероятностного прогнозирования к прогностическому кодированию. *Российский психиатрический журнал*, 5, 34–46. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10504
- Сафуанов, Ф. С., Киренская, А. В., Ткаченко, А. А., Телешева, К. Ю., Корнилова, С. В., Мямлин, В. В. (2013). Патохарактерологические особенности лиц с психическими расстройствами, склонных к импульсивной агрессии. *Психологические исследования*, 6(29). <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/831-safuanov29.html> (дата обращения: 12.10.2020).
- Ткаченко, А. А., Корзун, Д. Н. (2020). *Судебно-психиатрическая экспертиза*. М.: ГЭОТАР-Медиа. doi: 10.33029/9704-5636-1-2020-SPE-1-728
- Шиханцов, Г. Г. (2006). *Криминология*. Минск: Тесей.
- Шишкина, О. А., Качаева, М. А., Трушелёв, С. А. (2019). Социально-демографическая характеристика женщин с органическим расстройством личности, совершивших правонарушения. *Российский психиатрический журнал*, 5, 9–17. doi: 10.24411/1560-957X-2019-11940

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Поступила в редакцию 07.06.2021 г.; повторно 02.07.2021 г.;
принята 08.10.2021 г.

Лысенко Надежда Евгеньевна – научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России, кандидат психологических наук.
E-mail: nlysenko@yandex.ru

Белякова Мария Юрьевна – научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России.
E-mail: belyakova.m@serbsky.ru

For citation: Lysenko, N. E., Belyakova, M. Yu. (2022) Features of Behavior Dysregulation in Women Committed Socially Dangerous Acts. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal – Siberian journal of psychology*, 83, 204–222. In Russian. English Summary. doi: 10.17223/17267080/83/11

Features of Behavior Dysregulation in Women Committed Socially Dangerous Acts

N.E. Lysenko¹, M. Yu. Belyakova¹

¹ V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, 23, Kropotkinskiy Lane, Moscow, 119034, Russian Federation

Abstract

The aim of the study was to determine the relationship between the parameters of self-regulation and the individual typological characteristics of women who committed socially dangerous acts. 25 women who committed socially dangerous acts, recognized as sane, and 27 women who were recognized as insane in relation to their socially dangerous acts were examined in the V. Serbsky National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology (Moscow). The comparison group included 26 women with normal behavior. We studied individual typological features associated with various parameters of self-regulation. Qualitative and quantitative analysis of the psychological structure of self-regulation revealed that in the groups of women who committed socially dangerous acts, there were correlations that reflect a violation of behavior regulation. The results show that when the factor of criminalization is added, i.e., the performance of socially dangerous acts, both the total number of correlations of various parameters of self-regulation with individual typological characteristics, the degree of severity of these relationships, and the qualitative characteristics of these combinations decrease: there are fewer and fewer relationships that reflect the safety of certain links of self-regulation.

In the group of women who were considered sane, a high level of behavior programming is associated with social desirability and low sensitivity to dangerous or negative stimuli, and a low ability to program behavior is associated with high psychoticism and impulsivity. The evaluation of the results of one's behavior is associated with the desire to improve the opinion of other people about oneself, and the "flexibility" parameter is associated with egocentrism and low sensitivity to dangerous situations. In the group of women who committed socially dangerous acts, recognized as insane, there was a predominance of relationships between the parameters of self-regulation with the activation variables of pleasure and reward, as well as a lack of relationships with the formal dynamic characteristics of psychomotor, intellectual and communicative spheres, which explain the immediacy of behavior and decision-making, and the imbalance of the temperamental foundations of activity. The self-regulation parameters such as "simulation" and "flexibility" reveal a connection with reduced sensitivity to danger, leading to insufficient sorting of positive and negative environmental stimuli that signal possible negative consequences. The results confirm that the violation of behavior regulation is accompanied by a decrease in the number of structural relationships between multi-level characteristics, as well as an increase in those structural relationships that reflect violations of behavior regulation.

Key words: self-regulation; individual typological features; behavior dysregulation; socially dangerous acts; women

References

- Alekseeva, E. A. (2020). Modern tendencies in development of female crimes in Russia. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 25(1), 105–112. doi: 10.24411/1999-6241-2020-11016
- Bulygina, V. G., Zhmagalieva, M. Yu., Makurina, A. P., & Kabanova, T. N. (2021). Problema sozdaniya novykh eksperimental'nykh metodov dlya resheniya prikladnykh zadach v

- patopsikhologii i sudebno-psikhiatricheskoy praktike [The problem of creating new experimental methods for solving applied problems in pathopsychology and forensic psychiatric practice]. *Psikhologiya i pravo*, 1(4). Retrieved April 26, 2021, from <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n4/49293.shtml>
- Bulygina, V. G., Lysenko, N. E., Noss, I. N., Kovaleva, M. E., Dubinskiy A. A., & Tokareva, G. M. (2019). *Metody issledovaniya individual'no-tipologicheskikh kharakteristik v sudebno-psikhiatricheskoy praktike* [Methods for the study of individual typological characteristics in forensic psychiatric practice]. Moscow: Ministry of Health of Russia.
- Crooks, D., Anderson, N. E., Widdows, M., Petseva, N., Decety, J., Pluto, C., & Kiehl, K. A. (2019). The relationship between cavum septum pellucidum and psychopathic traits in female offenders. *Behavioral Brain Research*, 359, 967–972. doi: 10.1016/j.bbr.2018.06.011
- Dubinskiy, A. A., Lysenko, N. E., & Bulygina, V. G. (2019). Vnenozologicheskie individual'no-psikhologicheskie faktory sotsial'noy dezadaptatsii i kriminalizatsii [Extra-nosological individual psychological factors of social maladaptation and criminalization]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(3). Retrieved October, 12, 2020, from https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/3338/
- Espelage, D.L., & De La Rue, L. (2013). Examining Predictors of Bullying and Sexual Violence Perpetration Among Middle School Female Students. In B. Russell, (Ed.), *Perceptions of Female Offenders How Stereotypes and Social Norms Affect Criminal Justice Responses* (pp. 25–45). New York, NY: Springer Science + Business Media. doi: 10.1007/978-1-4614-5871-5_3
- Gottschalk, P., & Glaso, L. (2014). Gender in White-Collar Crime: An Empirical Study of Pink-Collar Criminals. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 4, 22–34.
- Haynie, D., Steffensmeier, D., & Bell, K. (2007). Gender and serious violence: Untangling the role of friendship sex composition and peer violence. *Youth Violence and Juvenile Justice*, 5, 235–253.
- Kamenskov, M. Yu., & Vvedenskiy, G. E. (2014). Instrumental'naya diagnostika parafilii s primeneniem poligrafa: metodologicheskie problemy i rekomendatsii k ikh resheniyu (analiticheskiy obzor) [Instrumental diagnosis of paraphilias using a polygraph: methodological problems and recommendations for their solution (analytical review)]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 3, 4–9.
- Kachaeva, M. A., Kharitonova, N. K., Shport, S. V., Shishkina, O. A., Skibina, N. V., & Nazarova, N. L. (2021). Sravnitel'nyy analiz kliniko-sotsial'nykh kharakteristik zhenshchin s organicheskim rasstroystvom lichnosti, sovershivshikh i ne sovershivshikh pravonarusheniy [Comparative analysis of clinical and social characteristics of women with organic personality disorder who have committed and have not committed offenses]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 1, 37–46. doi: 10.47877/1560-957X-2021-10104
- Konopkin, O. A. (2005). Teoretiko empiricheskie issledovaniya. Strukturno funktsio-nal'nyy i sodержatel'no psikhologicheskiy aspekty osoznannoy samoregulyatsii [Theoretical empirical research. Structural-functional and content-psychological aspects of conscious self-regulation]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2(1), 27–42.
- Kudryavtsev, I. A. (2007). Nravstvennaya sfera soznaniya ogranichenno vmenyaemykh pravonarushiteley [The moral sphere of consciousness of limitedly sane offenders]. *Psikhologicheskiy zhurnal*, 28(2), 78–94.
- Kudryavtsev, I. A., & Lapshina, E. N. (2008). Psikhologicheskie mekhanizmy i efekty vliyaniya patologii kharaktera na samoregulyatsiyu obshchestvenno opasnykh deyaniy [Psychological mechanisms and effects of the influence of character pathology on the self-regulation of socially dangerous acts]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 3, 29–35.
- Kuznetsov, D. A., & Bulygina, V. G. (2012). Uchet gendernoy spetsifiki kriminal'nogo povedeniya v sudebno-psikhiatricheskoy profilaktike [Taking into account the gender

- specifics of criminal behavior in forensic psychiatric prevention]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 2, 90–100.
- Lombroso, C., & Ferrero, W. (1895). *The Female Offender*. London: T. Fisher Unwin.
- Lysenko, N. E., & Bulygina, V. G. (2020). Osobennosti dizregulyatsii povedeniya u lits, sovershivshikh obshchestvenno opasnye deystviya [Behavioral dysregulation in persons who have committed socially dangerous actions]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 6, 45–54. doi: 10.24411/1560-957Kh-2020-10606
- Mendelevich, V. D. (2016). *Psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Psychology of deviant behavior]. Moscow: Gorodets.
- Samylkin, D. V., & Tkachenko, A. A. (2020). Kontseptsii urovnevnogo narusheniya regulativnykh protsessov pri shizofrenii: ot veroyatnostnogo prognozirovaniya k prognosticheskomu kodirovaniyu [Concepts of level disturbance of regulatory processes in schizophrenia: from probabilistic prediction to predictive coding]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 5, 34–46. doi: 10.24411/1560-957X-2020-10504
- Safuanov, F. S., Kirenskaya, A. V., Tkachenko, A. A., Telesheva, K. Yu., Kornilova, S. V., & Myamlin, V. V. (2013). Patokharakterologicheskie osobennosti lits s psikhicheskimi rasstroystvami, sklonnykh k impul'sivnoy agressii [Pathocharacterological features of persons with mental disorders prone to impulsive aggression]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 6(29). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/831-safuanov29.html>
- Rennison, C. M., & Melde, C. (2013). Gender and Robbery: A National Test Deviant Behavior. *Deviant Behavior*, 4(35), 275–296.
- Schwartz, J., Conover-Williams, M., & Clemons, K. (2014). Thirty Years of Sex Stratification in Violent Crime Partnerships and Groups. *Feminist Criminology*, 1(10), 60–91.
- Shikhantsov, G. G. (2006). *Kriminologiya* [Criminology]. Minsk: Tesey.
- Shishkina, O. A., Kachaeva, M. A., & Trushchelev, S. A. (2019). Sotsial'no-demograficheskaya kharakteristika zhenshchin s organicheskim rasstroystvom lichnosti, sovershivshikh pravonarusheniya [Socio-demographic characteristics of women with organic personality disorder who have committed offenses]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal*, 5, 9–17. doi: 10.24411/1560-957X-2019-11940
- Smith, J. M., Gacano, C. B., & Cunliffe, T. B. (2021). *Understanding Female Offenders Psychopathy, Criminal Behavior, Assessment, and Treatment*. San Diego, CA: Elsevier.
- Tkachenko, A.A., & Korzun, D. N. (2020). *Sudebno-psikhiatricheskaya ekspertiza* [Forensic psychiatric examination]. Moscow: GEOTAR-Media. doi: 10.33029/9704-5636-1-2020-SPE-1-728
- Wolff, K. T., Baglivio, M. T., Vaughn, M.G., DeLisi, M., & Piquero, A. R. (2017). For Males Only? The Search for Serious, Violent, and Chronic Female Juvenile Offenders. *Journal of Developmental and Life-Course Criminology*, 3, 168–195. doi: 10.1007/s40865-017-0059-4

Received 07.06.2021; Revised 02.07.2021;

Accepted 08.10.2021

Nadezhda E. Lysenko – Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Cand. Sc. (Psychol.)

E-mail: nlisenko@yandex.ru

Mariya Yu. Belyakova – Researcher, Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology.

E-mail: belyakova.m@serbsky.ru